

О.Н. Лагута

Новосибирский государственный университет

Метафорика: границы исследовательского объекта

В данной статье предлагается опыт характеристики исследовательского объекта общей и лингвистической метафорологии. Известно, что наука представляет собой такую сферу человеческой деятельности, основной функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. Уже имеющаяся информация о метафоре, на наш взгляд, вполне может быть описана в рамках специальной научной области, и метафорология рассматривается нами как самостоятельная научная дисциплина [Лагута, 2003].

Желая того или нет, при любом научном описании метафоры исследователи сталкиваются с ее метафорическим же «опредмечиванием». Метафорика – исследовательский объект – становится метафорическим «предметом», у которого, как у любого реального предмета, есть стороны и грани, есть прошлое и перспективы, есть структура, свойства, функции и т. д., иначе говоря, метафоры описываются через самих себя. Более того, любое определение метафоры всегда является тавтологичным, поскольку содержит толкование по кругу: как известно, метафора – это «перенос наименования», но толкование «перенос наименования», собственно говоря, само является генетической метафорой и требует дополнительных пояснений, так как не ясно, что представляет собой этот «перенос наименования». Исследователями отмечалось, что префикс мета- необходимо понимать не только в пространственно-временном значении ‘после’, ‘за’, ‘над’, ‘через’, но и в смысле ‘совместно’, ‘сообща’, с учетом смыслового оттенка ‘обращения’ на самое себя. При таком онтологическом понимании «метафора» может быть прочитана не как некий необязательный перенос, транспортирование (мы бы добавили «пере-вод», «пере-дача» и все прочие интерпретации отсупинного существительного *translatio, -onis*, если использовать латинскую кальку вместо греческого эквивалента – О. Л.) какого-либо постороннего груза с одного изолированного места на другое каким-либо единственным субъектом, но как «соотношение» или тождество «носителя» или «носимого». «Метафора» есть не только «пере-нос», но и «взнос» нового элемента во всеединство, который принимается в тотальность целого, оставаясь самим собой [Романенко, Чулков, 1997].

Определение объекта метафорологии усложняется еще и тем, что метафорой можно назвать не только любое речевое высказывание / текст с так называемым переносным смыслом, метафоричными могут быть вся деятельность человека и его постижение окружающего мира (хотя, как отмечали Дж. Лакофф и М. Джонсон, вывод о том, что наша обыденная понятийная система метафорична по своей сути, опирается только на лингвистические данные, и только благодаря языку человек получает в свое распоряжение метафоры, структурирующие

© О.Н. Лагута, 2004

его восприятие, мышление и поступки). В то же время метафоры как языковые выражения обретают речевую «плоть» именно потому, что существуют особые

ментальные сущности – метафорические концепты в самых глубинных основах понятийной системы человека. Следовательно, если метафорические выражения языка системно связаны с метафорическими понятиями, мы можем обратиться к первым, чтобы исследовать природу вторых и уяснить тем самым метафорическую природу наших действий [Lakoff, Johnson, 1980].

Метафорические объекты могут исследоваться в ходе решения разных предметных задач, которые мы условно объединяем в следующие группы: 1) задачи эссенциалистского направления, ориентированного на изучение *природы* и *сущности* метафоры, входят в предмет философской и логической метафорологии и – значительно реже – когнитивистики; 2) задачи атрибутивного плана связаны с изучением *свойств* метафоры и входят в сферу предметных интересов лингвистики, когнитивистики и герменевтики; 3) *каузальную* сторону метафоры пока исследуют только историки языка, культуры, этнологии; 4) задачи *структурного* плана реализуются в рамках когнитивистики и интерпретационной семантики; 5) изучением *функциональной стороны* использования метафор занимаются представители герменевтики (и литературоведения) и теории речевой коммуникации. Полиаспектное и наиболее полное описание метафорических объектов получают в традиционно выделяемых лингвистических науках, однако целый ряд предметных задач решается и в других научных сферах, а именно в рамках философской, логической и психологической наук. Но прежде всего метафора рассматривается как ярчайшая языковая универсалия (У. Эко; С.А. Хахалова и др.).

Как считают исследователи, основой языковой метафорической универсальности являются, во-первых, единые биологические и психологические начала людей, говорящих на разных языках, во-вторых, единство функции разных языков мира – быть средством вербальной коммуникации, а через метафоризацию осуществляется вербализация даже несуществующих явлений, в-третьих, единство когнитивных механизмов людей, творящих метафоры, в-четвертых, единство самого механизма метафорообразования во всех языках. Языковую метафорическую универсальность формируют: 1) типологические характеристики метафорических объектов как результатов метафорогенной деятельности человека, метафоричность – универсальное свойство этих объектов («к типологическим характеристикам метафоры как единицы реализации категории метафоричности относятся функциональная транспозиция, структурный тип номинации, стилистическая значимость, стилистическая и экспрессивная окрашенность»); 2) типологические характеристики метафоризации (их исследование позволило выявить следующую зависимость: если возможен полный метафорический перенос, значит, возможно существование односторонней ономаσιологической метафоры; если возможно существование односторонней ономаσιологической метафоры, значит, возможно существование односторонней семасиологической метафоры; если возможны односторонние ономаσιологические и семасиологические метафоры, значит, возможны и двусторонние метафоры с полным метафорическим переносом); 3) отсутствие видимых границ метафорической универсальности, которое объясняется тем, что в каждом языке знак метафорического характера безгранично асимметричен, что и находит отражение в знаковом дуализме метафоры (см. подробнее: [Хахалова, 2000, с. 180-181]).

Отметим, что метафора как исследовательский объект в трудах ученых XX в. резко расширяет свои объектные границы¹. Под этим термином начинают понимать не только классическую, логически «безупречную» метафорическую энтиму с разрушенным средним компонентом (N есть P, хотя на самом деле N не является P), но и металепис (Зовет, зовет меня твой сон, / Зовет и к **зрбу** приближает. Г. Державин), гипаллагу (Тебя за щеккой, как денежку, **серебряно** сберегу.

¹ Н.Д. Арутюнова отмечала, что под метафорой стали понимать любой способ косвенного или образного выражения смысла.

А. Вознесенский), эналлагу (*стариков полусонная стая* – Н. Некрасов; *хищная стая песков* – Н. Гумилев), абузию, катахрезу, или ломаную метафору (*Сплетня вкуса, господа*. Ф. Достоевский), персонификацию (*Невыразимая печаль открыла два огромных глаза*. О. Мандельштам; *Из всей этой сенсационной неразберихи вырисовывается препротивнейший образ России – бедная девушка, вечно берущая в долг, оказалась сказочно богатой клетманкой, к тому же сильно испорченной*. «Коммерсантъ-Власть», 1998; *Россия выбрала войну. Выбрала тупо, насупившись от сознания собственного могущества и совершенно не понимая, на что идет*. «Коммерсантъ-Власть», 1998)¹ и деперсонификацию (*Пение дверей раздавалось по всему дому*. Н. Гоголь), прономинацию (*Среди этих бюрократов есть и Фамусовы и Скалозубы*. А. Луначарский), оксюморон (*убогая роскошь наряда* – Н. Некрасов), метаморфозу (*Положи, Господь, камешком, подыми перышком* – пословица; *соловьем заливать о прекрасных перспективах* – «Завтра» 1999; *стать настоящим немцем, французом, китайцем* и т. д.²), эвфемизм (*Жизнь тихо покидала нас*. «Известия», 2000; *уход* – о смерти; *дипломатия* – о лжи) и дисфемизм (*беспредел* – о любой сложной ситуации), перифразу (*Пока Путин дает некоторую сатисфакцию всем эти потребностям большинства*. «Известия», 2000).

Все подобные единицы, аналоги которых столь скрупулезно описывались в трудах прошлого (об истории описания метафоры как исследовательского объекта см. [Лагута, 2003]), в XX в. рассматриваются как метафорические, поскольку в их образовании участвует так называемый «перенос по сходству». В сущности, любое переоосмысление и его результат толкуются как метафорические, и даже метонимизацию при более широком подходе интерпретируют как метафорическую разновидность³. С другой стороны, метафору противопоставляют символу (Е.Т. Черкасова, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, Т.С. Борисова), а не отождествляют с ним, как это делали античные и средневековые авторы. Метафора противопоставляется трем остальным семантическим концептам – образу, знаку и символу, занимающим центральное место во всех концептуальных системах: образ прорывается в язык через метафору, а метафора в своем дальнейшем семиотическом развитии либо поднимается до символа, либо опускается до знака (Н.Д. Арутюнова). Подробный сопоставительный анализ использования языковых

1 Например, В.Г. Гак вообще определял персонификацию как метафорическую особенность французского языка. По его наблюдениям, вид метафоры, называемый французскими лингвистами анимизмом, характерен для всего грамматического строя французского языка. Возникновение фраз типа *La bouteille a perdu son bouchon* обусловлено общей тенденцией французского языка и французской когнитивной системы, в которых метафоризация реализуется более легко, чем в русском. Так, метафоры типа *восхищенные цветы* могут возникнуть только в русском поэтическом тексте, но подобного типа образования широко используются во французском информационном дискурсе (см. об оценке такого подхода в исследованиях В.А. Болотовой).

2 Ср.: «Немец для нас – пример пунктуальности, итальянец – шумливости, крикливости и вокального мастерства, англичанин – чопорности. И не важно, что ваши знакомые немцы могут постоянно опаздывать на встречи (это они «обрусели», скажем мы), что ваш друг-итальянец тих и задумчив и совсем не умеет петь, а приятели-англичане поразили вас своей неуемностью во время последнего футбольного матча. Все равно в речи вы никогда не назовете спортивного фаната истинным англичанином, вечно опаздывающего человека немцем, а романтически настроенного юного философа итальянцем» [Красных, 2002, с. 203-204]. Стереотипные представления, выражаемые в конкретном языке сочетаниями с определенными этнонимами, обладают ярко выраженной национальной спецификой.

3 В целом, система языка обуславливает преобладание метафорического переноса по сравнению с метонимическим сдвигом: метафора функционирует в связи с предикатом (шире – в сфере атрибутов). Ее первичная функция – характеризующая, а метонимия выполняет идентифицирующую функцию по отношению к конкретным предметам (Н.Д. Арутюнова, А.В. Прожилов).

категорий «метафора» и «символ» в современных филологических исследованиях был проведен Т.С. Борисовой [2001]. Как прямо противоположные основным художественным тропам – метафоре, метонимии, сравнению и т. д. – определял символы Д. С. Лихачев, считавший, что, в отличие от этих тропов, основанных на уподоблении, на метко схваченном сходстве, на реальном наблюдении и на живом и непосредственном восприятии мира, символы были вызваны к жизни по преимуществу абстрагирующей, идеалистической богословской мыслью. По мнению исследователей (Е.Т. Черкасовой, R. Bartel), различны отношения между словом-названием предмета и его знаком: для метафоры это отношения подобия, сходства, для символа – отношения тождества (Е.Т. Черкасова), более того, 1) символ расширяет язык замещением, а метафора – сравнением, 2) символ предлагает не сопоставлять два понятия, а отождествлять их, 3) символическое значение развивается на основе общепринятости и традиционности, метафорическое – на основе новации и оригинальности, 4) символ выигрывает от повторения, а метафора – разрушается (R. Bartel). Характер мотивированности символа можно определить через понятие «интертекст», понимаемое как функциональное отношение между текстами (В.М. Мейзерский). В отличие от метафоры, которая мотивирована с точки зрения языка как системы, символ мотивирован (иначе говоря, закодирован) через текст (метатекст), другими словами, метафора чаще контекстуальна, а символ интертекстуален, метафора занимает определенные позиции в системе языка, а символ – в метатексте (подробнее см.: [Борисова, 2001, с. 11-13]). Кроме того, у ряда символов контексты могут напоминать метафорические, однако при более внимательном анализе можно обнаружить их символическую природу (так, в «Слове на Рождество Богородицы» Андрея Критского контекст *благословенна ты в женах, тайная Богонасажденная виноградная лоза, пышно возросшая среди избранных Церкви, зрелую гроздь безсмертия нам явившая из утробы материнской* (перевод Т.С. Борисовой) мог бы считаться метафорическим, если бы не вызывал в памяти читателя соответствующие библейские цитаты (Ос. 10: 1; Ис. 5: 2) [Борисова, 2001, с. 37]).

Системы метафор и символов вполне можно рассматривать в кругу прочих прецедентных феноменов (*Ходынка, Смутное время, Ватерлоо, 1937 год*), в том числе прецедентных текстов (например, «Репка», «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Двенадцать стульев»), высказываний (например, реплик из художественного фильма «Бриллиантовая рука», «Белое солнце пустыни», «Семнадцать мгновений весны» и др.), текстовых реминисценций, имен (*Наполеон, Гитлер, Чингисхан, Ален Делон, Мерилин Монро, Ротшильд, Рокфеллер* и мн. др.), прономинаций (*Золушка, Карабас-Барабас, Дон Кихот, Печорин, Хлестаков, Гаврош, Остап Бендер, Шерлок Холмс, Пуаро, Джеймс Бонд*), поскольку сама основа реализации прецедентности метафорична.

Расширение объектных границ метафоры во многом связано с изменением общелингвистических приоритетов в выборе исследовательских объектов (Н. Трубецкой, Р. Якобсон, Л. Ельмслев). Философы и лингвисты стремятся обнаружить системный характер организации единиц не только в языке, но и в дискурсе, тексте. П. Рикер, в значительной степени определивший магистральное направление метафорологических исследований второй половины XX в. (метафоры языка – метафоры дискурса – герменевтика метафорического текста), так объяснял свою позицию: «в дискурсе содержится нечто большее, чем в слове, поскольку единицей, образующей дискурс, является фраза, а не отдельное слово... мы не можем построить теорию метафоры, основываясь на слове; для того чтобы построить теорию метафоры, необходимо учитывать роль предиката, приписываемого субъекту, то есть борьбу между субъектом и предикатом во фразе. Рассмотрим в качестве примера известную метафору Шекспира *Время – это нищий*. Метафора не заключена ни в одном из отдельно взятых слов данной фразы. Метафо-

ра рождается из конфликта, из той напряженности, которая возникает в результате соединения слов во фразе. Вот почему следует обратиться к единице более высокого уровня, чем слово, – к дискурсу... Я согласен с тем, что структурализм в ряде случаев был недальновиден, поскольку использовал в качестве модели лишь систему знаков в лексике, а не живое производство дискурса в структуре фразы. Я думаю, что герменевтика имеет больше общего с лингвистикой фразы, чем с лингвистикой слов или лингвистикой отдельных знаков» [Рикер, 1995, с. 101-102]. При метафоризации-кодировании сопоставляемые «представления» сливаются в одно настолько сильно, что не всегда достаточно ясно просматриваются по отдельности: весь окружающий дискурс поясняет метафору, и она часто существует только в определенном контексте (отсюда возможность выделения таких разноструктурных лингвистических объектов, как генитивная метафора – *кисточка свечи, утро года, гвоздик сирени*, метафорический эпитет – *золотые песчаные дюны, седое море, янтарные восходы*). Методом трансформации мы практически всегда можем восстановить исходное содержание: у свечи есть пламя, пламя напоминает по форме кисточку → *пламя – это кисточка* → *кисточка свечи* и т. д.

При абсолютизации условия обязательного дискурсивного окружения у метафоры можно прийти к выводу о том, что идеально соответствующей статусу метафорического объекта является инопия – вынужденная метафора, употребление которой основано на незнании конкретной номинации, обозначающей какую-либо реалию (окказиональные метафоруупотребления в детской речи), или на намеренном обыгрывании, авторской стилизации аналогичного явления в художественном дискурсе (ср.: *Ух, и зубов! Зубов-то! Вдарить бы!* В. Маяковский. *Зубы* – о клавишах рояля). При таком подходе за метафорой закрепляется статус «однодневки», а существование языковых («генетических», «лексикализованных», «мертвых», «окаменелых», «привычных», «стертых» и т. п.) метафор оказывается в принципе невозможным. Тем не менее, эти единицы являются фактом словаря каждого языка и даже иногда реализуют в дискурсе некоторый «ресурс изобразительности»: *мягкие краски, кричащие цвета, безвкусная одежда* [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 244-245]. Именно их изучение открывает богатые возможности для междисциплинарных исследований.

Метафора-единица языка (при всей возможной спорности выделения такого объекта), по сосюррианской традиции, противопоставляется *метафоре-единице речи*, в том числе и речи индивидуальной, с одной стороны, и *метафоре-концепту* – с другой. При этом метафоризация-кодирование и декодирование как моделируемые, закономерные процессы (и как феномены) и метафорогенная деятельность, включенная в общую коммуникативную деятельность человека, приобретают самостоятельные объектные значения, хотя и отождествляются иногда друг с другом на уровне терминопотреблений. Исследование этих объектов возможно в самых разных направлениях и с разных позиций.

Описывая любой объект изучения, мы прежде всего должны отграничить его от других смежных объектов, и в нашем случае задача определения максимальной и минимальной границ метафоры – чрезвычайно сложная. Если метафорическим объявляется не только речевое, но и все коммуникативное и – шире – социокультурное поведение человека¹, не только продукт ментально-речевой деятельности человека – текст со своей семантической стороны, но и грамматические правила организации этого текста, а также программы коммуникативного поведения, реализованные в ходе его создания, то, естественно, встает вопрос о метафорическом объектном максимуме (и его структуре) и метафорическом объектном

¹ Яркие примеры поведенческих метафор приведены в книге «Дегуманизация искусства» Х. Ортеги-и-Гассета, который, вслед за Н. Werneg, считает первоисточником метафорогенной деятельности табу.

минимуме.

Метафорогенная деятельность человека не ограничивается его креативными способностями, а «пронизывает» всю его жизнедеятельность. Человек вырастает среди метафор и воспринимает мир через определенную «метафорическую вуаль», что во многом предопределяет его общую коммуникативную компетентность¹. Исследователями неоднократно подчеркивался инстинктивный характер метафорогенной деятельности². Мы можем предположить, что искомым метафорический максимум заканчивается там, где заканчивается деятельность человека. Его стремление интерпретировать каждую компоненту своего поведения (порой не только креативного, но и деструктивного) позволяет необычайно расширить границы метафоры-объекта и тем самым ввести ее в фокус, например, этики и этимологии, не говоря уже о социальной психологии и всех ее прикладных областях. «Человек, не выбирая, находится в метафорике экзистенциального, что имплицитно «навязывает» определенный «спектр» поведения» [Крюкова, 2001, с. 90-91]. Соответственно, структурная организация метафорического максимума будет существенно отличаться в зависимости от той сферы деятельности, в которой он реализуется, от широкого социокультурного и конкретно реализуемого коммуникативного контекстов. Например, для адекватной социокультурной и коммуникативной интерпретации метафорических по своей природе номинаций торговых марок, созданных отечественным военно-промышленным комплексом, – таких как «*Нежность*» (марка наручников), «*Аргумент*», «*Аргумент–2*» (марки дубинки), «*Ласка*» (марка электрошокового устройства) и т. п., – недостаточно констатировать циничность их авторов, а требуется привлечь анализ всей суммы знаний информационного характера, которыми те обладают и используют в практике общения (в частности, системы армейских табу).

Метафора может быть и специальным объектом лингвоаксиологических гендерных исследований в коммуникативистике: мужская и женская аудитории будут по-разному оценивать, например, степень комического эффекта, создаваемого развернутой метафорой, катахрезой и результатами реметафоризации в псевдонаучном тексте, который можно рассматривать или как анекдот или как загадку: *«ЭЛЕМЕНТ: 115. СИМВОЛ: Fm. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ: Адам. АТОМНАЯ МАССА: 60 кг; также встречаются изотопы от 40 до 250 кг. РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ: Очень распространен. ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА: Тает при определенном воздействии. Самопроизвольно закипает и без внешних причин охлаждается. Коэффициент расширения увеличивается с годами. Мнется при сдавливании в определенных местах. ХИМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА: Очень хорошо взаимодействует с Au, Ag, Pt и другими благородными металлами. Поглоща-*

---

¹ Заметим, что коммуникативная компетенция, конечно же, предполагает знание не только поведенческих метафор и символов метафорической природы. В коммуникации активны и символы метонимической природы. Их примерами, на наш взгляд, могут служить предметные проводники-символы, описанные еще П.А. Сорокиным в книге «Система социологии»: горсть земли, револьвер, ключи, знамя и многие др. приобретали символическое (уточним, метонимическое) значение в определенных коммуникативных ситуациях. Так, собственник в древности, передавая другому горсть земли, знаменовал передачу права собственности; командир полка, присылая опозорившему мундир полка офицеру револьвер, посредством его передавал приказ застрелиться; ключи от города, переданные победителю побежденными, знаменовали поражение и признание смены власти; знамя полка, захваченное неприятелем, символизировало гибель или полное поражение соответствующей воинской части.

² Ср., например: «Как отмечал Ф. Ницше, язык состоит исключительно из метафор, постоянное создание которых является основополагающим инстинктом человека, хотя он и не осознает метафорический характер языка» [Маковский, 1996, с. 15-16]; «Метафора вообще не имела бы смысла, если бы за ней не стоял инстинкт, побуждающий человека избегать всего реального» [Ортега-и-Гассет, 2002, с. 245-246].

ет дорогостоящие *вещества* в больших количествах (результат реметафоризации¹. – О.Л.). *Может неожиданно взорваться. Быстро насыщается этиловым спиртом* (результат реметафоризации – О.Л.). *Активность варьируется в зависимости от времени суток.* **ПРИМЕНЕНИЕ:** Широко **применяется в декоративных целях**, особенно в спортивных автомобилях. *Является очень эффективным чистящим и моющим средством. Помогает расслабиться и снять стресс.* **КАЧЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ:** **Приобретает зеленую окраску, если рядом находится другой образец более высокого качества.** **МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ:** При **попадании** в неопытные руки представляет серьезную опасность. **Запрещается иметь более одного образца.** Однако можно иметь и большее количество **образцов, но держать их следует отдельно друг от друга, таким образом, чтобы они не взаимодействовали между собой**», – о женщине («Весь Академгородок», 2002).

Совокупные национальные *метафорические максимумы*, включающие системы метафор – языковых знаков, метафор-концептов, метафор-действий (системы поведенческих метафор), результаты всей метафорогенной деятельности человека, как лингвистической, так и нелингвистической природы, в определенных своих участках будут совпадать у носителей разных культурных архетипов одного периода или у носителей одного культурного архетипа в различные исторические периоды. Совпадающие (или несовпадающие) участки позволяют говорить о существовании *метафорических универсалий* (или, напротив, *уникалий*) на языковом, когнитивном и этологическом уровнях, и определение этих универсалий должно стать одной из главных задач современных общих метафорологических исследований.

Думается, общая метафорология может многое открыть и для частных метафорологических исследований. В современной европейской традиции принято рассматривать как текст все, что создано искусственно: не только книги и рукописи, но и картины, здания, интерьер, одежду и многое другое, что еще иначе называется артефактами². Метафорическим макрообъектом, реализуемым в таком макросемантическом пространстве текста-действительности, можно считать *общую метафорику* – совокупность всех результатов метафорогенной деятельности че-

---

1 Думается, данные случаи следует отличать от случаев реализации метафоры, описанных в работах Р.О. Якобсона, В.М. Жирмунского, В.К. Тарасовой, В.П. Москвина (ср.: «стилистический прием реализации метафоры состоит в развертывании метафоры, понятой в нарочито буквальном смысле» [Москвин, 2000, с. 45]). В приведенной загадке метафорические, на первый взгляд, номинации поглощать, насыщаться, используемые для характеристики химических свойств элементов, метафорами не являются. Стилистический прием подобного параллельного ввода метафор и не-метафор, используемый для создания комического эффекта, мы предлагаем определять термином «реметафоризация».

2 Ср.: Понятие текста изменялось в процессе развития общества. Так, «Ф. Бэкон, Г. Галилей, Р. Бойль и другие мыслители Нового времени часто уподобляли природу, историю книге. Новое видение мира (природы, истории) позволяло сравнивать его с текстом, книгой. Истолкование природы как книги, как текста позволяло ... искать в объектах и явлениях природы некоторое интеллектуальное начало, смысл, который, в принципе, может быть умопостижимым. Отсюда следовало, что объекты и явления природы, будучи порождениями интеллекта, могут быть поняты так же, как мы понимаем продукты интеллектуальной деятельности» [Боголюбова, 2000, с. 27].

Отметим, что метафора «действительность – текст» легла в основу другой метафорической идеи: действительность – нелинейный гипертекст. Под гипертекстом стали понимать такую форму организации материала, при которой его единицы представлены в нелинейной последовательности, т. е. как система возможных переходов, связей между ними, и, следуя этим связям, мы можем читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты [Субботин, 1992]. Метафора гипертекст легла в основу создания WWW – «Всемирной паутины», которая сейчас занимает ведущее положение в системе глобальных компьютерных сетей Интернета.

ловека, а также механизмы самой этой деятельности, включая ее ментальные, поведенческие и языковые составляющие. Другими словами, метафорика включает в себя и общий метафорический максимум и сам механизм метафорогенной деятельности. Естественно, что общая метафорика представляет собой не изолированное явление, а глубинно и системно связанное со всеми прочими лингвистическими и паралингвистическими участками когнитивных и коммуникативных систем. Изучение общей метафорики хорошо вписывается и в область задач общей семиотики, исследующей не только естественные и искусственные языки, но и вторичные моделирующие системы – семиотические системы, построенные на основе естественного языка, но имеющие более сложную структуру. Вторичные моделирующие системы, ритуал, все совокупности социальных и идеологических знаковых коммуникаций, искусство складываются, по известному утверждению Ю.М. Лотмана, в единое сложное семиотическое целое – культуру.

Частные метафорики (метафорики носителей разных языков и социолектов в пределах одной языковой общности) могут частично совпадать, так как тесно связаны в своей основе с глубинными архетипическими установками. Метафорика текста-действительности может исследоваться как в синхронном, так и диахронном планах, поскольку действительность динамична. Кстати, фундаментальная метафора *мир – текст* оказывается гносеологическим кладезем для самой метафорологии как науки. Определение окружающей действительности как макро-семантического объекта привело к выдвиганию такого понятия, как «развернутая метафора» (М. Riffaterre), которое также может быть описано и средствами поэтико-риторической терминологии, и семантико-интерпретационными терминами.

В *частных метафорологических исследованиях* встает вопрос о статусе минимальных метафорических объектов. Что представляет собой *метафорический минимум*? Для всех нелингвистических областей (философии, логики, психологии и т. д.) таким минимумом, следуя античной традиции, признается сущность, репрезентируемая словом, но таковым не являющаяся. В философской, логической и прочих науках проблемы, связанные с определением границ слова, его тождества, частеречных характеристик и т. п., при изучении метафор чаще всего не рассматриваются.

С границами *лингвистической метафорики* – объекта лингвистической метафорологии, или лингвометафорологии, все обстоит сложнее. Как справедливо отмечает В.П. Москвин, «общей теории метафоры мы до сих пор не имеем. В специальной литературе отсутствует исчерпывающая, а главное, убедительная и непротиворечивая информация о разновидностях метафорических наименований. Прикладная лингвистика, со свойственным этой отрасли языкознания здравым смыслом, реагирует на такое состояние теоретической разработки вопроса вполне предсказуемо: в современных курсах стилистики освещению сложнейшего феномена метафоры обычно отводится не более одной, двух страниц» [Москвин, 2000, с. 123]. Для решения вопроса о полном описании метафорических наименований исследователь предложил построение классификации метафор на основе следующих пяти критериев: 1) тематического – выделяются следующие типы метафор: «антропоморфные» (*кричащие краски, шагающий экскаватор*), «зооморфные» (*вой ветра, револьверный лай*), «флористические» (*увядание кожи, расцвести – о женщине*), «машинные» (*аппарат управления, рычаги власти*), «про-странственные» (*поле деятельности, высокие цены, широкая душа*), «медицинские» (*предвыборная лихорадка*), «спортивные» (*избирательная гонка, Осенний марафон*), «экономические» (*парламентский монополист*), «финансовые» (*политический капитал*), «театральные» (*суфлеры президента*), «военные» (*армия безработных, капитуляция власти*), «музыкальные» (*дуэт президента и спикера*), и т. д.; 2) семантического – метафорические наименования группируются по значениям, например, метафоры, обозначающие красный цвет

(*вишневая шаль, рубиновые ягоды клюквы*); количественные метафоры (*море людей, армия муравьев*) и многие др.; 3) функционального¹ – выделяются номинативные метафоры, впоследствии часто становящиеся «мертвыми», или лексикализованными, лексическими (*спутник Земли*); декоративные (*золото волос, бриллианты росы*); эвфемистические ([Ихарев:] *Шума нет, да чай конного войска вдоволь, скакунов?* [Алексей:] *То есть изволите говорить насчет блох?* Н. Гоголь, «Игроки»); пояснительные, или дидактические (*природная линза* – о зрачке); оценочные (*медведь, осел, змея* – о человеке); 4) структурного – в зависимости от количества слов-носителей образа различаются метафоры «простые» (*золото заката, море цветов*); «развернутые», или «цепочка метафор» (*тот переводчик-перевозчик, который связывает многие дальние берега и все с одним, с этим берегом, русским языком*. В.Н. Топоров); развернутые метафоры могут быть двучленными, трехчленными и т. д., они состоят, по мнению В.П. Москвина, из двух частей – исходной метафоры (*перевозчик*) и метафорической развертки; 5) контекстуального – если а) названы и субъект, и объект сравнения (*бриллианты росы*), слово, называющее субъект сравнения (*роса*), является «ключевым», или «опорным», само метафорическое наименование при этом слове обозначается термином «метафора-сравнение», или «замкнутая метафора»; б) назван только объект сравнения (*в траве бриллианты висли*), такое метафорическое наименование описывается терминами «метафора-загадка», «незамкнутая метафора», «символа», более того, «при такой метафоре нет ключевого слова, играющего роль «отгадки», однако есть широкий контекст, подсказывающий смысл слова-носителя метафоры («загадки»). Иногда такого рода широкий контекст охватывает целое художественное произведение. В этом случае метафора-загадка вводится в заглавие текста: *На дне* (М. Горький), *Обрыв* (И.А. Гончаров), *Стена; Бездна* (Л. Андреев), *Метель* (А.С. Пушкин), *Яма* (А. Куприн). Метафора-загадка, опирающаяся на такой контекст и вынесенная в заглавие произведения либо его части, именуется метафорой широкого контекста (термин А.К. Аквеличева), ее смысл обнаруживается только после знакомства с произведением» [Москвин, 2000, с. 123-128].

Исходной таксономической единицей классификации В.П. Москвина является единица лексического уровня. Метафорические наименования исследователь противопоставляет метафорическим фигурам – прономинации, персонификации (к этим фигурам мы отнесли бы и деперсонификацию, перифразу и некоторые другие). По свидетельству Ф. Растье, классическая теория метафоры именно потому и имеет недостатки, что слишком тесно связана с лингвистикой слова. «Не отрицая реальности слова, хотя и весьма проблематичной, признаем, что слово – совсем не простое понятие: в его содержание может входить как одна, так и несколько семем», т. е. содержаний морфем, в концепции Растье, а потому «за основу лучше брать, пожалуй, морфему, содержание которой состоит – в однозначном контексте – из одной семемы². Например, в устойчивом выражении *Les femmes sont des fleurs* метафору устанавливают, строго говоря, между содержанием морфем *femm-* и *fleur-*, а не между словами *femme* "женщина" и *fleur* "цветок"» [Растье, 2001, с. 189]. Другое дело, что в процессе самой метафорогенной деятельности автор метафоры или ее редупликатор (воспроизводитель) исходит из своего эмпирического и социокультурного опыта, который складывается в результате знакомства с такими «реалиями», как женщины и цветы, но это связано уже не с

1 Количество функциональных типов метафор может варьироваться от двух (Е.И. Шендельс) до пятнадцати (В.К. Харченко).

2 Французские исследователи даже пытались заменить, как им казалось, литературоведческий термин метафора на лингвистический метасемема [Dubois et al., 1974], но междисциплинарной терминологической раздробленности удалось избежать, хотя французский термин метасемема гармонично вписывается в структурно-семантическую терминосистему.

языковыми объектами, а с экстралингвистическими условиями.

Особый метафорический объектный статус приобретает и *синтагма* (если продолжать использовать терминологию Растье, то это последовательность морфем, частным случаем которой может быть и слово): так, в высказывании, содержащем метафорическое сравнение *L'équipe se rua dans le camp des All Blacks comme une horde de sangliers*, метафорическое отношение устанавливается не только между *équipe* и *horde*, но и между *équipe* и *sangliers*, в описании учитывается вся синтагма в целом: *une horde de sangliers* – «стадо диких кабанов» [Там же].

Метафорические синтагмы могут представлять собой одночленные единицы (*кобылка* 'саранчовое насекомое', *мушка* 'приспособление для прицеливания') и словосочетания, например, двучленные генитивные метафоры (*половодье чувств, глубины разума*), метаморфозы (*выть волком от ревности, сидеть тихой мышкой*).

Метафорическими могут быть также и целые единицы малых речевых жанров, например, *паремии* (*Старого пса к цепи не приучишь; На безрыбье и рак рыба; Ворон ворону глазу не выклюнет*), *загадки*, а также более сложные по структуре дискурсивные образования. Загадки вообще представляют собой часто одни метафоры: *облачко на стебельке* (одуванчик); *модница крылатая, платье полосатое* (пчела); *из горячего колодца через нос водица льется* (чайник). Метафорической может стать любая текстовая манифестация, причем успешность декодирования *метафорического текста* часто зависит не от широты или сложности организации его пространства, а, в большей степени, от коммуникативной компетентности читателя. Особенно это характерно для метафорических по своему происхождению символично-аллегорических текстов (например, морализаторской направленности), семантика которых обладает яркой и устойчивой индивидуальностью. Приведем пример: *Один царь решил задать большой пир. По всей стране разослал глашатаев объявить об этом пире, чтобы пришли люди любого звания и не только насладились щедрым угощением, но и были бы оделены несчетным богатством. Когда глашатаи проходили по городам и замкам, чтобы оповестить всех о царском пире, их в одном городе услышали двое людей – один крепкий и сильный, но слепой, другой хромой и слабый, но наделенный острым зрением. Слепой говорит хромому: «Любезнейший, увы нам: по всему царству объявлено, что царь задает богатый пир, где подадут не только какие-то пожелает кушанья, но и одарят всякого немалым богатством. Ты хромой, а я слепой, значит, мы не можем присутствовать на пиру». Хромой говорит: «Если послушаешь моего совета, мы попадем туда оба и, как все остальные, получим богатства и насладимся пиром». Слепой отвечает: «Всякий полезный нам совет я готов принять». Хромой говорит: «Ты крепок и силен телом, я же слаб, ибо хромаю; посади меня на закорки, и я буду указывать дорогу, так как хорошо вижу, и мы оба сможем побывать на пиру и, как всем остальным, нам дадут подарок». Слепой сказал: «Аминь, говорю тебе, это отличный совет. Сейчас же садись мне на спину». Так они и сделали – хромой указывал дорогу, а слепой его нес. Оба побывали на царском пиру и тоже получили свою долю богатства» («Римские деяния»). История о хромом и слепом, попавших на царский пир, получает особую интерпретацию библейской направленности: *пир* 'вечная жизнь', *глашатай* 'ангел'; *царь* 'Бог, уготовивший людям блаженство вечной жизни' (*пир*), «причем, чтобы вкушать радостей этого пира, богатому мирскому человеку (слепой) нужно взять себе на спину бедного и благочестивого (хромой)» и т. д. [Полякова, 1980, с. 374]. Текстовые символично-аллегорические системы могут быть сколь угодно сложными и получать с течением времени дополнительные интерпретации или утрачивать часть своих толкований, и именно потому этот участок метафорики труден для описания (все имеющиеся «словари культур»,*

«словари сюжетов», «списки архетипов» и т. п. не содержат исчерпывающей информации¹).

Таким образом, как лингвистический объект метафора не ограничивается единицами лексического уровня, и поэтому есть определенные сложности в формулировании ее определения. В нашей работе мы разделяем мнение С.А. Хахаловой, понимающей под лингвистической метафорой разноуровневые единицы вторичной косвенной номинации, как то: номинативные знаки (слова, словосочетания), предикативные знаки (предложения), сложные предикативные знаки (тексты), основанные на «переносе» формата с единичного или сложного денотата (часто фиктивного) на реальный (или фиктивный) единичный или сложный денотат / сигнификат.

Границы лингвистического метафорического минимума определяются самой языковой реальностью. В метафорообразовании могут участвовать структурные единицы разных уровней.

1. Основы словоизменительные и словообразовательные. В первом случае грамматические компоненты, выражающие словоизменительные и формообразующие категориальные признаки, могут не участвовать в метафорообразовании (*твердый лоб* → *твердолобий* → *политическая твердолобость*, *мягкое тело* → *мякотелый* → *мякотелость законодательных органов*). Во втором случае в мотиванте отсутствуют имеющиеся в мотивате словообразовательные форманты (*тарельчатый клапан*, *свайный оголовок*, *предмедовый месяц В.В. Путина*), и если производное слово мотивируется метафорическим ЛСВ производящего, то их связывают отношения так называемой метафорической производности (В.В. Лопатин).

2. Аффиксы и аффиксоиды с ярко выраженным словообразовательным значением и их конфликтные сочетания. Ср.: *Стоило Собчаку умереть, как он стал распадаться на множество отдельных частей – хакамад, инфузорий, мафиотропов, антропофагов, путинофилов, либералоккокков, скуратофобов и прочих простейших* («Завтра», 2000); *Чего стоит один только «демократический паханат» Зюганова* («Рос. Вести», 1995); *А за окном – какая-то другая действительность, какая-то не жизнь, а антижизнь* («Правда», 1997).

3. Корневые морфемы, часто совпадающие в плане выражения с основами. Например, *хомакартофельюс*. Ср.: *Два старика – фронтовой и энкаведешный – картофельные ветераны. Интеллигент из Москвы картофельный. А я – картофельный писатель. Все мы люди, из земли выкопанные* («Завтра», 1999).

4. Просодические элементы. Исследования последних лет показывают, что метафоризация может затрагивать и этот уровень языка (J.J. Ohala, В. Вундт, Н.А. Любимова, Н.П. Пинежанинова, Е.Г. Сомова и др.). Впервые механизм естественной *звуковой метафоры* был описан В. Вундтом и объяснялся переходом представления в чувственный образ, аналогичный тому, который свойствен обозначаемой тем же названием фигуре речи. По мнению Е.Г. Сомовой, звуковая метафора функционально отличается от метафоры – стилистического приема. Когда говорящий произносит текст, он неосознанно выстраивает свою дыхательную и интонационную кривую и создает особый подтекст, и этот подтекст может поддерживать вербально выраженную информацию, а может и «противоречить» ей. В любом случае, по мысли Е.Г. Сомовой, это оказывает влияние на слушателя,

¹ Ср.: «Язык – это своеобразное кладбище метафор: слово, некогда бывшее метафорой, со временем может утратить свои явно метафорические свойства, но затем снова подвергнуться метафорическим преобразованиям» [Маковский, 1996, с. 16]; «Едва ли возможно осуществление мечты Х.Л. Борхеса – создание «Всеобщей истории метафор». Конечно, можно умертвить «метафоры, которыми мы живем», сводя их либо к формально-логическим схемам науки, либо к выхолощенным штампам обесмысливающей речи, но в качестве эпифоры – «жертвы по умершему» – всегда возникает новая метафора, символика новой культуры» [Романенко, Чулков, 1997].

либо сильнее убеждая его, либо заставляя переосмыслить полученное сообщение.

Отметим, что лингвистика, в отличие от философии и логики, исследует не просто отдельные метафоры (пусть даже фундаментальные, базисные, ключевые и т. п.), а весь языковой участок метафорики, всю его систему. Для философа интересны ключевые метафоры, для лингвиста – ключевые метафоры в кругу всех прочих, т. е. все метафоры концептуально-языковых систем и все существующие между ними связи, поскольку ни одна наука не может заниматься только частью однородных объектов, игнорируя остальные части. Количество трудов, посвященных лингвистическому изучению метафоры в разных аспектах, достаточно велико, но интерес к этому языковому явлению сохраняется, так как до сих пор не исследованы с должной полнотой все стороны его формирования и существования. Г.Н. Складаревская в докторской диссертации условно выделила 11 аспектов изучения языковой метафоры: семасиологический, ономасиологический, гносеологический, логический, собственно лингвистический, лингвостилистический, психолингвистический, экспрессиологический, лингвистико-литературоведческий, лексикологический и лексикографический [Складаревская, 1989, с. 3-4]. В данной классификации не учтена возможность синхронного и диахронного описания метафорических объектов, а потому количество «смешанных» подходов может возрасти почти вдвое. Масштабных диахронных исследований русской языковой метафорики пока нет, хотя существует ряд работ, освещающих частные проблемы формирования метафорических систем. Исследуются чаще всего источники заимствования метафор, например, отмечается особая роль древнегреческого языка при формировании символической и метафорической систем церковнославянского и русского языков (С.С. Аверинцев, Т.С. Борисова) и роль французского языка при формировании метафорического языка русского придворного общества XVIII в. (В.В. Колесов). Немаловажным является и то, что в границах стилистики начала выделяться в качестве отдельной дисциплины так называемая историческая стилистика, поскольку было отмечено, что стилистические средства языка исторически изменяются (З.К. Тарланов, Т.С. Борисова). Аналогично можно говорить и о необходимости проведения исследований по *исторической метафорологии*. Кроме того, трудно найти исследования, в которых бы реализовывался только один подход, и, как уже отмечалось, общая картина лингвистической метафорологии усложняется тем, что метафоризация затрагивает все двусторонние языковые единицы: морфемы, лексемы, словосочетания (в том числе и фразеологизмы), предложения и текст.

Основной целью современной лингвистической метафорологии стало изучение метафоры как языковой универсалии и решение в связи с этим всех таксономических задач для постижения ее сущности и феномена. Анализ всех исследовательских подходов в рамках лингвометафорологии позволяет распределить их по двум основным направлениям: *лингвометафорология кодирования* (охватывает исследования по нейролингвистике, когнитивистике, онтолингвистике, коммуникативистике и теории речевых актов, прагматике, семиотике) и *лингвометафорология декодирования* (кроме перечисленных научных направлений, представители которых также занимаются изучением процессов кодирования, включает такие направления, как лингвостилистику, текстовую поэтику, интерпретационную лингвистику и предшествовавшую ее появлению, но фактически сомкнувшуюся с ней современную герменевтику, лексикологию и, в частности, дериватологию, идиологическую лингвистику, лексикографию, лингвокультурологию, социолингвистику). К сожалению, данные направления кодирования и декодирования иногда смешиваются, и одними и теми же терминами описываются метафора, метафоризация-кодирование (метафорообразование) и процесс декодирования метафор.

Подведем некоторые итоги. Как известно, само понятие «наука» включает в себя как деятельность по получению нового знания, так и результат этой деятель-

ности – сумму уже полученных в данный момент научных представлений, образующих в совокупности научную картину мира или его фрагмента. Разумеется, полное научное описание метафорики мы можем получить, только познакомившись с результатами всех наук, имеющих метафорический объект в сфере своих интересов, ведь именно на пересечении предметных областей в объектном пространстве метафоры и возникает метафорология как самостоятельная структурная единица знания. Метафора – не просто языковой и/или речевой знак, «неясный» троп, ментальный механизм, поведенческий акт и т. д. (и если мы именно так будем подходить к метафоре, она действительно останется неуловимым для исследователя гетерогенным феноменом), а результат сложнейшей, иерархически (причем иерархически не линейно) организованной коммуникативной деятельности человека.

Метафорологию мы можем рассматривать как междисциплинарную отрасль научного знания, исследовательским объектом которой является как собственно метафорогенная деятельность человека, так и результаты этой деятельности. Другими словами, метафорология – это в прямом смысле знание о метафоре. Структура этого знания, как и структура любой науки, формируется в течение продолжительного времени, и мы не можем утверждать, что этот процесс завершен. Скорее, энтропия метафорологии как научной системы только-только начинается и, вероятнее всего, находится на этапе накопления и систематизации научной информации. Как правило, отрасли научного знания возникают в связи с формированием новых исследовательских подходов, а метафорология, напротив, объединяет самые разные подходы на основе тождества объекта исследования, и эта интеграционная тенденция – на общем фоне современного дискретного знания – не может не быть привлекательной. Взаимообогащению на базе предметного разнообразия, безусловно, способствует онтологическая «широта» и «глубина» метафоры – и как результата и как инструмента познания. Метафора вездесущна, она возникает везде, где человек может проявить себя, и пронизывает все человеческое существо, более того, она же может быть источником радости – радости узнавания, декодирования и/или креативного и эстетического познания. Трудно предположить, что существует еще одна подобная универсалия, характерная для понятийного, языкового, психического, социального и прочих человеческих миров. Отсюда сложность описания объектных приоритетов метафорологии, формирующих особый комплекс исследовательских задач, а именно: определение исследовательских предметных приоритетов и структуры общей метафорологии. В зависимости от предмета исследования и применяемых подходов мы можем выделить философскую, логическую (включая девиатологическую), психологическую и лингвистическую метафорологию. Частнообъектное описание метафора получает в рамках этих отдельных наук в границах их предметных задач, и, поскольку она тесно связана с человеком говорящим, мыслящим, социальным и т. д., с наукой о ней происходит то же самое, что и с наукой о Человеке: в настоящее время представить единое синкретичное знание, способное объединить результаты антропологии, этнографии, истории, социологии, психологии, философии, лингвистики, литературоведения, медицины, генетики и т. п. невозможно. Так и метафорогенная деятельность человека и ее результат – собственно метафора – оказываются в фокусе самых разных, порой слишком разобщенных, научных дисциплин. Теория метафоры не может быть простой: метафора слишком сложный объект, но это, как говорится, не вина теории, а свойство объекта, и к истине о метафоре можно приблизиться только после подробной «проработки» всей имеющейся о ней информации. Логики и философы рассуждают о «метафоре вообще», не видя часто всего того разнообразия, которое предлагает метафора, как если бы ботаники рассуждали о «растениях вообще», не изучив предварительно все многообразие их конкретных видов и среды обитания. Философская и логическая дедукция в метафорологии явно опережает эмпирическое знакомство с объектом. Исследо-

ватели философских и логических направлений часто забывают, что собственно метафора – в некотором роде иллюзия, идеальный научный объект, объект теории, а не реальности.

Метафоры в языках, сознании и поведении не встречаются изолированно, по одиночке, а существуют только потому, что образуют системы; это те объекты, которые просто не могут существовать вне своих систем – и такая важнейшая черта должна учитываться любой теорией метафоры. Объектом метафорологической теории может быть только система метафор, хотя, как и ботаническая, метафорическая таксономия ограничена. Однако многие «общие» теории вообще не учитывают реального, существующего на настоящий момент положения в метафорике. Можно долго рассуждать о загадочности, разнообразии и сложности организации растительного мира, но если мы не выполним, как К. Линней, элементарных таксономических процедур, то вряд ли приблизимся к истинному постижению выбранного объекта. Путем, подобным линнеевскому, идет лингвистическая метафорология. Максимально доступными объектами для эмпирического наблюдения оказываются метафоры в речи.

Вполне очевидно, что метафорология как наука к настоящему моменту имеет свою историю, свой объект, предмет, постижение которого реализуется с помощью множества исследовательских подходов, т. е. вполне отвечает номенклатурным требованиям, предъявляемым ко всем специально выделяемым областям знания. Но до последнего времени метафорология при постижении объекта развивалась, скорее, в направлении «от общего – к частному», чем «от частного – к общему». Только глубокое всестороннее исследование национальных метафорик, особенно их языковых «участков», а также изучение истории формирования конкретных национальных метафорических систем позволят описать общую метафорику, т. е. универсальные законы метафорогенной деятельности человека и систему результатов этой деятельности.

Литература

- Боголюбова С.Г. О проблеме понимания и интерпретации словесного текста в современной лингвистике // Когнитивные аспекты языкового значения 3. Вестник ИГЛУ. Серия «Лингвистика». Иркутск, 2000. Вып. 1.
- Борисова Т.С. Символы Богоматери в церковнославянском языке. Новосибирск, 2001.
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
- Крюкова Н.Ф. Метафоричность как критерий менталитета различных групп людей // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / Под ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул, 2001. Вып. III.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. В 2-х ч. Новосибирск, 2003.
- Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Москвин В.П. Стилистика русского языка. Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.
- Полякова С.В. Из истории средневековой латинской новеллы XIII в. // Средневековые латинские новеллы XIII в. Л., 1980.
- Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Н. Новгород, 2001.
- Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М., 1995.
- Романенко Ю.М., Чулков О.А. Метафора и символ в культурном общении //

Интернет-ресурсы http://lmi.philosophy.pu.ru/Journal/no5/romanenko_chulkov.htm.

Скляревская Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1989.

Субботин М.М. Новая информационная технология: создание и обработка гипертекстов. М., 1992.

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д., 1999.

Хахалова С.А. Когнитивная реальность эгоцентрической категории метафоричности // Языковая онтология семантически малых и объемных форм. Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. Иркутск, 2000. Вып. 1.

Dubois J. et al. Allgemeine Rhetorik. München, 1974.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago / L.: The University of Chicago Press, 1980.